ОТПЕЧАТКИ

В. Бокину.

1.

Мы отпечатали стихи:
И все равно – черновики.
К строке единственной пробиться
Немыслимо... Так чем гордиться?
Устало искорку задуть?..
Ах, лёгкость, лёгкость... Никогда
Ты в руки эти не давалась.
Лишь совесть мучила всегда,
Всегда с тобою оставалась.
Чистописанье не похвально.
К иной, глубинной чистоте
Идти сквозь ночь, а дальше – тайна!
А отблеск тайны – на листе.

2.

...Согреется строка твоим дыханьем.
Ты в неуклюжей стройности своей
(Гармония вне схем и расписанья)
Моложе возраста на тридцать журавлей.
Здесь тридцать встреч
и тридцать расставаний.
Нам птичий крик понятен неспроста.
Крылатость – не судьба, а состоянье
Души и слова, вставшего с листа.
Слова, дела... Кто эти отпечатки
Приметит в нашем лете, тишине?..
Мы молоды – мы смотрим беспечально.
А если уж печально, то вдвойне.

(1980 г.)

КРУГ

В. Бокину.

Нечаянной грусти трепещущий лист
под ветром ненастным, осенним...
За птицами следом леса собрались...
Куда нам лететь за спасеньем?
Нам надо учиться у гордой сосны,
что падает твёрдою тенью
на наши туманные, ломкие сны
и нас пробуждает к спасенью.
Ничейные дети печальных отцов
с нечётким движением к свету...
Цепляясь за них, выпускаем птенцов,
стараясь направить по следу.
Но меркнут следы на земле и воде –
читают их дурень и гений.
И вытянут в струнку летящий к звезде
рольгангом земных притяжений.
Пугает не участь, а знанье пути,
предчувствие гроз и обвалов.
Но сердце не может гореть взаперти
и вырвется – против металла.
Противница долгих и тихих услад
покроется к сроку рубцами...
Не надо стеречься и стариться, брат!
В полёт мы отправились сами...
И листья резные, седые – взгляни! –
калёные, жёлтые – в круге.
Как нежно на землю ложатся они,
сливаясь в священном испуге!..

(1993 г.)

СТАРОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Похолодало к вечеру. Окно
в испарине. Не видно ничего.
Но слышно: электричка простучала,
а чуть поздней проплыли голоса,
ворчливо собиралася гроза...
Я свет включил... и музыка играла.
Забавно вам, спустя осьмнадцать лет
представить, как горел вечерний свет,
как я ходил по комнате неловко...

Верёвка с высыхающим бельём,
цветы в горшках, картина над столом...
Но это не картина – заготовка.
Её мне подарил один студент...
Он начинал прекрасно, кончил худо.
Ни он, ни я не знаем в тот момент,
что ищет нас, прищурившись покуда.
И что этюдик милый, как ружьё,
пальнёт однажды – и не вхолостую.
И чем омрачено лицо её,
таит мазок... И я грущу вслепую.

Такая сумасшедшая тоска
лишь в юности на муки обрекает.
Не испытавших, как она тяжка –
текучесть дней, летящих свысока
на ждущие, отточенные камни, –

не знаю я...
Но вам известно всё.
Возможно, нас с художником не стало.
Но свет горит – и сушится бельё…

Войдя в стихотворение моё,
побудьте в нём –
сошлось – останьтесь в нём.
…Его пускаю с ветром и дождём,
чтоб по земле слова мои листало.

БУМЕРАНГ

...Он мечтал об открытьи великом,
О прозреньи среди суеты.
И Фортуна божественным ликом
Осеняла сей путь с высоты.
...Он прослыл энергичным и умным.
Но о помощи друг попросил...
Подлость может быть делом минутным.
Той минутой он путь раздвоил.
Повернула одна половина...
У жены заметались зрачки.
Только встретил однажды он сына –
Тот не поднял, не подал руки.
Что за притча? Подумаешь, промах…
И – вперёд, подминая года!
Он не спас ни больных, ни здоровых –
И открылась ему простота.
Захотелось до отчего дому...
Но земля уцепилась в него,
И увидел он чёрную долю,
А за ней – ничего, ничего.
И сошлись над ним белые травы,
Что росли в этом месте пустом.
В горсть земли уместилась и слава,
И печальная память о нём.
...В доме дальнем мальчишка мечтает
И на улицу смотрит светло:
Что за странная птица летает?
И клокочет, и бьется в стекло...

* * *

Входящий в храм
главу несет повинно
и ожидает участи покорно.
А на него глядят святые лики
то грозно, то прощающе, то нежно…
Входящий в храм –
и жалкий, и великий.
И перед ним одним зияет бездна.
Как отрешенно речь звучит с амвона!
Как ласточки, скользят под купол звуки
и там, вверху, сливаются до звона.

Какое нынче время? Время Оно!
Когда любовь опять приносит муки,
а зло выходит ангелом из лона...

Входящий в бой –
своё не помнит имя.
И слова он не знает и не слышит.
Он погибает – жалкий меж другими…
Он побеждает – он велик, он дышит.

Входящий в бой –
из боя не выходит.
Входящий в храм –
его не покидает...

Мир раскололся пополам.
Мир – хижинам, война – дворцам!
Война – буржуям и богам...
Пусть пламя бьёт высоко!
Огонь да путь осветит нам,
и да прозреет око!..
Наверно, там, на небесах,
сердца качались на весах.
Иконы – с пулями в глазах.
Церквушки-погорельцы...
Под храмы клали динамит.
Но если камень устоит,
то пошатнётся сердце.
Ворвалась вера на штыках.
За вековой покорный страх,
за фимиам и ладан,
за мракобесия дурман –
приказом и прикладом!
Страна пожаром залита...
Мешалось и смещалось –
и Блок, увидевший Христа,
и Бог, отведавший хлыста,
и люд, молящийся на Ста...
Но слово – оборвалось.

Я, внук священника, не лгал,
когда я Бога отвергал,
захваченный всеобщей битвой...
Но жизнь моя была молитвой.
Я нищих в губы целовал.
...И сам был нищ,
и сам был слаб,
когда с канавы на ухаб
меня тянуло и кидало.
И выжил я лишь потому,
что, развевая дым и тьму,
мне Слово –
слово подавало...

(1998 г.)